

НА СТРЕЖНЕ ЭПОХИ

Магнитка — это начало новой молодости, это все новые этапы — судьбы, советские, становления и другое. Это — эпоха. Все мы смотрим телевизионную передачу «Наша биография». И, начиная с 1929 года, средоточием мужества, комсомольского и партийного мужества, является Магнитка. Не вдаваясь в историю, можно сказать, что Магнитка — это и новые этапы в искусстве.

Искусство — понятие широкое. Но стоит оно все же на одном фундаменте. На фундаменте правды, на позициях человеческой нравственности, на тех, кто в жилы свои и кровь сумел впитать святые традиции первых, бросивших вызов фальшивому, надменному и вековому.

Ближе к делу. Магнитка — это наше время. Что мы, молодые, несем в это время? Что мы вкладываем в него? И что мы черпаем из него?

Не так давно мне в составе концертной бригады левобережного Дворца культуры металлургов Магнитогорского металлургического комбината довелось побывать в Туркмении. Областной и городской комитеты ВЛКСМ не случайно решили в ноябре прошлого года направить с далекого заснеженного Урала в еще солнечный и опаленный Туркменистан своих юных и рабочих посланцев. Стальное сердце Родины и край белого золота — это ли не полюсы, по которым пролегла единая и неделимая параллель наших народов? И это прекрасно! Раскаленный в то время Красноводск и открытая в морозном кубике Магнитка. Это свидетельство широты нашей Родины, как и свидетельство широты нашего творчества, нашего искусства.

Однажды у меня возникли строчки:

Вы отдаете предпочтенье стали?..

Но в том ли суть, что сотни раз подряд

Она вскипает на седом Урале.

Пока в Ташкенте зреет виноград?..

Наверное, суть не в том. Суть в той широкой гармонии, которая заключена в нашем народе, суть в единой и мощной гамме, которой подчинены все искусства. Искусство слова, кино, театр, живопись, музыки...

Не так давно мне и Борису Калентьеву из Челябинска посчастливилось попутке комсомола побывать на VI Всесоюзном совещании молодых писателей. Это был форум молодости, дерзости, форум современности. Возможно, я сажусь на своего конька. Но это и понятно. Я говорю о том, что мне ближе и родней. Говорю о слове. У нас, в Магнитке,

живы священные традиции Бориса Ручьева, традиции литературного «Буксира», традиции творческой молодежи 30-х годов. Можно назвать немало имен молодых, которые сегодня пытаются выразить себя в литературных объединениях металлургического комбината и города. Да об этом красноречиво говорит только что вышедший коллективный сборник магнитогорцев «Круг зари» (Южно-Уральское книжное издательство).

И только что мы узнали, что токароу ЦРМО № 1 Ирине Княшко присуждена 3-я премия журнала «Юность» за 1976 год. Сейчас Ирина по путевке ЦК ВЛКСМ, по рекомендации горкома ВЛКСМ учится в университете им. Патриса Лумумбы в Москве. Стартовой площадкой в литературу стал для нее рабочий коллектив.

Я уже не говорю о том, что двоим мартеновцам из мужского вокального ансамбля присвоены звания «Заслуженный деятель культуры РСФСР», что недавно в первом туре Всесоюзного фестиваля самодеятельного творчества первое место завоевал народный коллектив танца левобережного Дворца культуры металлургов «Зори Магнитки», что заслуженным авторитетом пользуется балетная студия того же Дворца. И все это — молодежь.

Теперь хотелось бы сказать об ответственности. Уж коли партия и правительство в своем недавнем постановлении о работе с творческой молодежью оказали нам такое большое доверие, выразили надежду на нас, то с нашей стороны есть о чем задуматься.

Расхлябанность и туман, недомолвки и подчас корысть, а часто и неприкрытая праждебность к нашей нравственности и морали выбивают из наших рядов по-настоящему талантливых, способных, вполне состоявшихся творцов. С этим всегда шла борьба. Мы, молодые, не вправе быть в стороне от этой борьбы. Но только на чьей стороне? То ли это творчество, назначенное узкому кругу, то ли творчество, принадлежащее всему народу. И то, и другое — допустимо. Но вдвое, вдвое труднее, чтобы тебя приняли и те, и другие. К этому нужно стремиться. А о борьбе замечательно сказал советский поэт Борис Ручьев:

«Какой бы пламень гарью нас не метил,

Какой бы пламень нас не обжигал,—

Мы станем чище, мы за все ответим.

Чем крепче боль,— тем памятей закал!»

А. ПАВЛОВ,
руководитель литературного объединения «Магнит».

ВОЛШЕБНЫЙ КОЛОКОЛЬЧИК

В воскресенье приехали родители, и ребят опустели с ними гулять до самого обеда.

— Мама, ты на один день приехала?

— На один. Завтра на работу. Уезжать, Владушка, не хочется, у вас так хорошо! Место, где вы живете, это — сказка. И в этой сказке все есть: горы, березовые леса, ягоды, грибы, шветы... и мы с тобой.

Вдруг Влада вырвала руку и присела на корточки:

— Колокольчик, колокольчик, мама!

Девочка хотела сорвать его, а мама замахала рукой:

— Не надо! Пусть все любитесь!

Влада нагнулась еще ниже, прислушалась:

— А колокольчик звенит! Он волшебный.

Маме тоже показалось, что голубой цветок чуть зазвенел, и она кивнула головой.

— В нем живет музыка! — сделала открытие Влада.

— Пусть живет!

И они пошли через поляну, осторожно обходя ромашки, колокольчики, кашку и заветный горшок.

ВКУСНАЯ КАША

Все ребята старшей группы пообедали. Одна Влада сидела над тарелкой и морщи- лась. Ольга Николаевна вспомнила: утром шефы при- слали новые игрушки и среди них забавную, как живую, «Непослушную Аленку».

— Владушка! Кто у нас в группе лучше всех кушает? — схитрила воспитательница, доставая из коробки куклу.

— Димка Варламов.

— Еще кто?

— Все хорошо едят.

Обед, Ольга Николаевна ска- зала:

— Теперь выпейте молоко. Маленькая хозяйка под- несла Аленке бутылочку с молоком.

Убирая посуду, воспита- тельница обрадовалась:

— Молодцы! Особенно Влада молодец.

А малышка подумала, ухо- дя в группу:

«Завтра Аленку накормлю!»

Эвальд РИБ ЖИВАЯ РАДУГА ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ

— А кто хуже всех ест? — Я.

— Посмотри, нам подари- ли Аленку. Она совсем кашу не ест, а молоко пьет хоро- шо. Накорми ее, пожалуйста.

— Ладно, — согласилась девочка, — накормлю.

Ольга Николаевна посади- ла Аленку на стол, рядом с тарелкой.

Влада поднесла кукле ложку каши, а та начала качать головой «не хочу», «не хочу»!

Тогда Влада съела одну ложку, другую, и все убеж- дала Аленку, что каша очень вкусная.

Когда девочка съела весь

Маленькая хозяйка под- несла Аленке бутылочку с молоком.

Убирая посуду, воспита- тельница обрадовалась:

— Молодцы! Особенно Влада молодец.

А малышка подумала, ухо- дя в группу:

«Завтра Аленку накормлю!»

Эвальд РИБ ЖИВАЯ РАДУГА ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ

— А кто хуже всех ест? — Я.

— Посмотри, нам подари- ли Аленку. Она совсем кашу не ест, а молоко пьет хоро- шо. Накорми ее, пожалуйста.

— Ладно, — согласилась девочка, — накормлю.

Ольга Николаевна посади- ла Аленку на стол, рядом с тарелкой.

Влада поднесла кукле ложку каши, а та начала качать головой «не хочу», «не хочу»!

Тогда Влада съела одну ложку, другую, и все убеж- дала Аленку, что каша очень вкусная.

Когда девочка съела весь

Магнитной горы.

— А кто написал, знаешь? — Борис Ручьев. Он вме- сте с моим дедушкой строил наш город. И жили они в такой палатке.

Влада спросила:

— Почему она такая тол- стая? Палатки бывают тон- кие.

Пока Ольга Николаевна думала, как ответить, Костя начал объяснять:

— Все брезентовые палат- ки, наверное, в одну собрали. Переехали в дома, а из пал- точек сделали эту.

— А мой папа Дворец спорта построил! — неволь- но вырвалось у Вани Кры- лова. — Вон он! Видите?

Дима Варламов смотрел, смотрел и начал рассуждать:

— Я, когда вырасту, не такой дворец построю.

— А какой? — подошел к нему Ваня.

— Стекланный.

— Почему — спросила Маша.

— Чтоб солнце в нем посе- лилось, а ночью — звезды.

Влада тоже придумала:

— Я детский сад построю, тоже стекланный.

— Ты же вырастешь! — засмеялся Димка.

— Дети всегда будут.

— Стронтели, мои золо- тые! Расстите скорей, — ска- зала Ольга Николаевна, со- бирая ребят в колонку. — А теперь — в парк!

Александр ПАВЛОВ НА КОНКУРС

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Меня встречали просто и радушно,
дом на закате плыл подслеповато,
поблескивали в озере ракушки,
закатывалось солнце в три обхвата.

Меня встречали просто и по-свойски,
порой весенней, лепестковой, ранней...

И комната была в душистом воске
отчаянно разросшихся гераней.

Меня встречади, распевали песни,
мы шли, как прежде, старыми местами...

И выплывала ночь с тобою вместе,
и письма под рубашкой прорастали.

Меня встречали у высоких сосен,
полночный город в звезды окунули,
мне дали все, что я когда-то бросил,
но лишь тебя, родная, не вернули.

Космические ливни и любовь...
Я между ними связь
не открываю.

Единственная общая прямая —
такая даль и глубь, что стынет
кровь.

Свидетели гигантских
катастроф,
храня частицу бешеных
энергий,
те ливни мчат, пронизывая
землю,
нам говоря о гибели миров.

В шальном потоке, миллиарды
лет
они спешат незримиыми дождями,
где убивая жизнь, где порождая
соцветья звезд, созвездия
планет.

О, если б ты в щемящей высоте
меня искала на вселенской
карте —
безмерный взрыв потряс бы тьму
гадактик,
и я к тебе сквозь бездну улетел.

— А глаза-то у тебя глазилы!—
говоришь ты.

В карих этд есть...
у самой-то — вылитые сливы,
аж потрогать хочется и съесть.

Неужели веришь, будто сглазил?
Если так, то лучше уходи.

Никогда в любви я не проказил,

чтобы так вот — с чертиком
в груди.

Мы с тобой весьма не близоруки.
Хочешь правду?

На тебе! Кляни...
Ну, а если сглазилась от скуки—
я тебе не пара.

Извини.
Не поможет колдовская сила,
если собирается гроза.

Согласись, что просто
пошутила.

А глаза...
При чем же тут глаза!

Не обижай...
Ну что ты, право?
Причем здесь Вена и Париж...
Зачем налево и направо
словами чудными сорить?
Куда родней в округе этой
непроизвольно произнести
слова — июль, береза, лето
и незатейливое — весь.

А лучше закопаться в сено,
смотреть и слушать, и молчать
с одним желаньем
непрерывным —
травинки все перекусать.

Чужие звуки
Сгорают, как дрова в печи...
Не обижай, подай мне руки,
Сиди и слушай, и молчи.

Неужто кто-нибудь в крови
откроет вещество любви,
и наши чувства
распакованные
запишет сухонькими
формулами?

Неужто кто-нибудь в крови
отыщет вещество любви?
То — чем сильны,
о чем поем,
с чем умираем и живем,
что иногда годами
выстроено,
и выстрадано,
что жизни делает полней
необъяснимостью своей?

Неужто кто-нибудь в крови
откроет вещество любви?
Не будет светлого волнения,
того неловкого смятения,
что сердца учащает бой...
Все будет в строгости сухой.
Но мне нужней любви исток —
всеочищающий поток.

Дороже ясности любой
ее всеслечащая боль.

Поймут биолог с математиком,
что понапрасну время тратили.

Не упорядочить в тиши,
порывы сердца и души!
Нет формулы,
чтобы смогла
учесть поступки и дела!
Неоткрываемы в крови
любовь и вещество любви!